

Н. А. Кашурников

***РАННИЙ ДОСТОЕВСКИЙ:
литературные связи***

ИД «Петрополис»
Санкт-Петербург
2013

УДК 82
ББК83
К 31

*Книга подготовлена при поддержке гранта
Президента Российской Федерации для государственной
поддержки молодых российских ученых № МК–195.2011.6*

Кашурников Н. А.

Ранний Достоевский: литературные связи. — СПб.: ИД
«Петрополис», 2013. — 48 с.

Рецензенты:

д. филол. н. *В. Е. Ветловская*

д. филол. н. *С. А. Кибальник*

ISBN 978-5-9676-0527-7

© Н. А. Кашурников, 2013.

© ИД «Петрополис», 2013.

Сюжетообразование в ранних произведениях Достоевского и повестях Гоголя

Литературные связи раннего Достоевского с повестями Гоголя исследуются в статье на уровне сюжетообразования.

Так, в «Двойнике» (1846) Достоевского варьируются и повторяются мотивы предчувствия, странного неприятного ощущения, замирания и биения (трепета) сердца,¹ беспокойства, волнения, потрясения, тоски, страха-решимости, умирания-воскресения, сна-яви, а также игры, маски, зеркала, действий «в пику» и «в контру», лестницы, поветрий (ветра) и др.

Однако все эти мотивы «участвуют» в сюжетообразовании лишь косвенно, прямо же — только четыре мотива. (Под мотивом я понимаю единицу сюжетного уровня, под сюжетом — «последовательность взаимосвязанных мотивов»² или, иначе, все последовательное сцепление мотивов в тексте. Прямое сюжетообразование — завершающееся определенным результатом, итогом последовательное сцепление мотива с

---

¹ Чаще всего у Голядкина, главного героя повести, сердце бьется на лестницах. Ср.: «сдерживая биение сердца, имевшего у него привычку биться на всех чужих лестницах» (113) (здесь и далее во всех статьях книги в скобках указываются страницы в 1-м томе (Л., 1972) Полного собрания сочинений Достоевского в 30 т. (Л., 1972–1990)); ср. также замирание сердца Голядкина на лестницах (143, 214). Кроме того, отмечу важную переключку: «с маленьким трепетанием сердца сбежал с своей лестницы» (112) и «чувствуя <...> сильное трепетание сердца <...> побежал он вслед за приятелем своим вверх по лестнице» (193–194).

² *Гаспаров М. Л.* Избранные труды. Т. 2: О стихах. М., 1997. С. 14.

остальными. Косвенное сюжетообразование — не завершающееся определенным результатом, итогом последовательное сцепление мотивов).

Прямое сюжетообразование в «Двойнике» осуществляется прежде всего последовательным сцеплением мотива «дела господина Голядкина» с остальными мотивами. Ср.: «я действую, Крестьян Иванович!» (116), «Действую не втихомолку, а открыто, без хитростей» (117), «Я сам дело начистоту и открыто веду, Олсуфий Иванович» (120), «связались они (начальник отделения Андрей Филиппович и его племянник Владимир Семенович, обошедший чином Голядкина и собирающийся жениться на дочери статского советника Олсуфия Ивановича Берендеева — Кларе Олсуфьевне (стать ее мужем втайне мечтал Голядкин). — *Н. К.*) с старухами, разумеется, и состряпали дело <...> чтоб убить человека (т. е. Голядкина. — *Н. К.*)» (121), «покамест только наблюдая за ходом общего дела в качестве постороннего зрителя» (о Голядкине, стоящем на черной лестнице в квартиру Берендеевых, в которую ранее его не впустили) (131), входя с черной лестницы в квартиру Берендеевых, Голядкин в танцевальной зале «знает, что ему делать» (132), «трудно объяснить, что именно делалось с ним» (132), «Струсить-то наше дело <...> Нагадить-то всегда наше дело» (132), «позабыл все, что вокруг него делается, и <...> явился в танцевальную залу» (133), «что сделано было, того не воротить... ведь уж никак не воротить. Что же было делать?» (133), «хотел было что-то <...> сделать» (137), изгнанный с бала у Берендеевых Голядкин «не понимал ничего, что вокруг него делается» (139), «дело сделано, кончено, решение скреплено и подписано» (139), «кто-то сейчас <...> стоял здесь <...> и — чудное дело! — даже что-то сказал ему» (139), «увидел впереди себя идущего ему навстречу прохожего <...> Дело бы, кажется, пустое, случайное» (140), «**он-то** (прохожий, т. е. двойник Голядкина, Голядкин-младший. — *Н. К.*) **тут и самое главное дело**» (140), «не в том было главное дело, что господин Голядкин его (прохожего. — *Н. К.*) видывал часто» (141), «был совершенно уверен <...> что <...> встретит опять своего незнакомца; но —

странное дело, он даже желал этой встречи» (142), «трудно было веру дать всему этому делу» (144), «господин Голядкин решился <...> не протестовать по этому делу до времени» (144), «боялся теперь очной ставки с Петрушкою (своим слугой. — *Н. К.*). <...> Бог знает, как теперь смотрит на все это дело этот мошенник» (144), «я бы <...> размыслил получше обо всем этом деле» (145), «не входить ни во что, что бы ни делалось» (145), «не упал в обморок <...> оттого, что уже сперва все дело (появление Голядкина-младшего в качестве чиновника его отделения. — *Н. К.*) предчувствовал» (146), «дело было странное, безобразное, дикое» (146), «по какому же праву все это делается? кто разрешил такого чиновника» (147), «физиономия нашего героя <...> гармонировала со всем смыслом дела» (147), «с которой стороны за это дело приняться, Антон Антонович» (148), «кто тут именно в это срамное дело руку свою замешал?» (150), «наиприятнейший оборот дела приняли» (151), «дело-то наше обыкновенное дело» (151), «славное и громадное дело то, что его превосходительство ничего не сказали и так пропустили» (151), «неожиданный переворот всего дела» (151), Голядкин-старший «своею особою оказывал покровительство (Голядкину-младшему. — *Н. К.*) и, наконец, делал доброе дело» (157), «чистейший пасквиль, да и дело с концом!» (159), «силился <...> разрешить <...> какое-то щекотливое дело, — но не мог» (159), «зачем я это приглашал его (Голядкина-младшего. — *Н. К.*), на какой конец я все это делал?» (160), «дело-то наше как плоховато!» (161), «проникнем сейчас во все эти дела» (161), «Дело же ваше <...> не замедлит своевременно объясниться» (столоничальник Антон Антонович Сеточкин Голядкину) (163), «Разом понял герой наш все положение дел» (165), «первым делом господина Голядкина было протестовать» (против того, что Голядкин-младший, вырвав у него бумагу и отправившись с ней в директорский кабинет, удостоился благодарности его превосходительства) (165), «Андрей Филиппович, услышав, что дело господина Голядкина было частное дело, отказался слушать» (165), «подобное темное дело было даже невероятно совсем» (165), «совершенно невозможное дело» (166), «Теперь

дело шло не о пассивной обороне какой-нибудь» (после того как Голядкин-младший унизил в присутствии чиновников Голядкина-старшего) (167), «дело так не пройдет и простым каким-нибудь бабьим образом не может окончиться» (167), «Плевое дело! обыкновенное дело! <...> тут же и уличил себя в низости, в трусости за эту мысль; однако дело его все-таки не двинулось с места» (170), «Что-то сделаешь ты теперь» (170), «словами ничего не возьмешь. Нужно действовать» (170), «дело устроится как-нибудь» (171), «Дело-то такое мизерное, да оно, наконец, и действительно мизерное, плевое, то есть почти плевое дело» (171), «Дело-то оно <...> такое <...> что ведь так оставить нельзя» (171), «дело сделано, и его не воротить... ведь не воротить!» (171), «Дело сделано; дошло и до письменного» (до письма к Голядкину-младшему) (175), «по своей части исследую дело» (177), «Что же я буду здесь делать?» (177), «собственнолично исследую дело» (177), «что я буду здесь делать?» (177), «Сделал я чистую глупость» (177), «что ты сделал со мной! (Голядкин-старший Петрушке, не отдавшему Голядкину-младшему письмо)» (180), «злокачественный оборот, принимаемый делом» (180), «оборот-то, принимаемый делом, такой неприятный выходит! <...> поскорее добратся до дела! теперь же я знаю, что делать» (182), «Если только с этой стороны на дело взглянуть, то все это и будет вот именно так!» (188), «когда дело кончится, еще столько же дам» (Голядкин писарю Остафьеву) (190), «Он-то как действует? <...> вот это ты и узнай <...> я тебя потом и поблагодарю» (191), «дельце-то наше... как теперь плоховато!» (191), «вот дело в чем: точно ли он (Остафьев. — Н. К.) на моей стороне» (192), «Вот-с, по вашему дельцу-с. Ни от кого известий покамест нет никаких-с» (писарь Писаренко Голядкину) (192), «если будет что-нибудь относительно вашего дельца-с, так мы вас уведомим-с» (193), «дельце-то наше чего прихватило теперь!» (193), «я сторона в этом деле» (194), Андрей Филиппович, слушая Голядкина, «с беспокойством осмотрелся кругом... Трудно сказать, чем бы кончилось дело» (196–197), «известны ли обо всем этом деле его превосходительство?» (198), «Герой <...> наш не знал <...> что делал,

что с ним сделалось и что еще будут делать с ним» (после потери места) (198), «что дело проиграно, так в том теперь и сомнения малейшего нет <...> это известно, определено, решено и подписано» (200–201), «поставив все дело на благородную доску, скажу вам <...> что я чист совершенно» (Голядкин-старший Голядкину-младшему) (203), «если с благородной и высокой точки зрения на дело смотреть, то смело скажу <...> что я заблуждался» (Голядкин-старший Голядкину-младшему) (203), «это <...> необъяснимым образом делается, и протестовать <...> было бы лишним и совершенно потерянным делом» (206), «неосторожный толчок переменял весь смысл дела» (206), «он и сам не знал, что с ним делается» (211), «дело, может быть, и уладится к лучшему» (212), «Оно бы вот как все сделалось: я бы тут и того <...> дела так не делают и самозванством у нас не возьмешь» (212), «развернутый ты человек, вот оно как теперь делается!» (212), «что я <...> буду делать теперь над собой?» (212), «вышла бы там себе за кого следует <...> так и дело с концом» (Голядкин в своем воображении к Кларе Ослуфьевне, собираясь увезти ее в карете из квартиры Берендеевых) (213), «я вот как сделаю <...> паду к ногам (его превосходительства с просьбой защитить от Голядкина-младшего. — *Н. К.*), если можно, униженно буду спрашивать» (213), «сам отстраняюсь от дел» (214), «мое дело важное, не терпящее отлагательства дело» (Голядкин лакею его превосходительства) (214), «вот и дело испорчено, вот и все мое дело на ветер пошло» (215), «сам отстраняюсь от дел» (215), «Я порассмотрю ваше дело, а вас велю проводить» (его превосходительство Голядкину) (216), «дело весьма могло повернуться к худому концу» (217), «дело происходит некоторым образом в тени и господина Голядкина (ожидающего Клару Ослуфьевну под окнами квартиры Берендеевых. — *Н. К.*) не видит никто» (219), «завтра нужно было все сделать, то есть с каретой-то ждать» (219–220), «на вечер нанял (извозчика. — *Н. К.*), так и дело с концом» (221), «позвольте сказать вам по-дружески, что дела так не делаются» (Голядкин в своем воображении к Кларе Ослуфьевне) (221), «опять-таки дела так не делаются, и первое дело то, что воркования

не будет, не извольте надеяться» (Голядкин в своем воображении к Кларе Олсуфьевне) (221–222), «Вот оно как будет, если <...> таким-то вот образом начать на дело смотреть» (222), «уже окончательно решено было дело и извозчик отпущен был» (223), «наблюдателем посторонним буду (под окнами квартиры Берендеевых. — Н. К.), да и дело с концом» (223), «расчет был вернейший, да и дело с концом» (223), «решительно сам не знал, что с ним делается» (когда Голядкина «тащат» в квартиру Берендеевых) (224), «дело как-то не удалось» (226).

Кроме того, прямое сюжетообразование в «Двойнике» осуществляется последовательным сцеплением с остальными мотивами мотива духовного убийства Голядкина обществом, равнодушным к терзаниям и мольбам маленького человека. Ср.: «выдумали <...> чтоб убить человека, нравственно убить человека» (121), «если б герой наш не был уже убит вполне, совершенно, то был бы непременно убит в другой раз» (134), «Господин Голядкин был убит, — убит вполне, в полном смысле слова» (138), «убитого несчастьями господина Голядкина» (138), «полуубитый герой наш» (163), «из чего мне <...> себя убивать?» (171), «самоубийца я этакой!» (180, 212), «он был <...> убит» (218).

Прямо образует сюжет в «Двойнике» и последовательное сцепление с остальными мотивами мотива «особой дороги», по которой Голядкин идет, потому что, согласно его убеждению, «путь жизни широк» (116) (отсылка к Нагорной проповеди Христа: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф, 7: 13–14))³. Таким образом, перед нами мотив безумного пути Голядкина «в погибель», мотив вины героя перед собственной душой и Богом. Ср.: «я иду своей дорогой, осо-

---

³ См.: *Ветловская В. Е.* Ф. М. Достоевский // Русская литература и фольклор (Вторая половина XIX в.). Л., 1982. С. 18. (Ср. церковнославянский текст: «Внидите узкими враты: яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им: что узкая врата, и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его»).

бой дорогой, Крестьян Иванович» (116), «дорога моя отдельно идет, Крестьян Иванович» (116), «Иду я, Крестьян Иванович <...> прямо, открыто и без окольных путей» (117), «Есть люди <...> которые не любят окольных путей» (124), «возразил Герасимыч <...> отстраняя рукой господина Голядкина и давая широкую дорогу (в квартиру Берендеевых. — *Н. К.*) двум господам (Андрею Филипповичу и Владимиру Семеновичу. — *Н. К.*)» (126), Голядкин «хотя и сам по себе, но <...> стоит на дороге не совсем-то прямой» (на черной лестнице в квартиру Берендеевых) (131), «Смелому дорога везде!» (Голядкин, не решаясь войти «на чужой бал непрощенный») (132), «Ему дали дорогу» (на балу у Берендеевых) (134), «сбивая с пути и с последнего толка» Голядкина, изгнанного из квартиры Берендеевых (о ветре, снеге и дожде, обрушившихся на героя) (138), прохожий (Голядкин-младший) «дорогу мою переходит и меня задевает» (140), «он, Голядкин, сам по себе <...> дорога для всех довольно широкая» (140), Голядкин «обернулся и пошел своею дорогою, ускоряя и частя более и более шаги» (141), «Незнакомец <...> повернулся и быстро пошел своею дорогою» (141), «Господин Голядкин знал <...> что с ним непременно совершится дорогой еще что-то недоброе <...> например, он встретит опять своего незнакомца» (142), «Андрей-то Филиппович <...> всегда на пути моем, всегда черной кошкой норовит перебежать человеку дорогу» (151), «Господин Голядкин <...> вышел нарочно позже всех, самым последним, когда уже все (его сослуживцы. — *Н. К.*) разбрелись по разным дорогам» (151), «мы, кажется, идем по разным дорогам» (Голядкин-старший Голядкину-младшему) (152), «я иду прямым путем, а окольным путем ходить презираю» (162), «бежал господин Голядкин, не разбирая дороги и сам почти не зная куда» (172), «прошу вас <...> посторониться и дать путь людям истинно благородным и с целями благонамеренными» (Голядкин-старший в письме к Голядкину-младшему) (188), «презирая окольным путем» (203), «уезжаю... Путь всякому разный лежит <...> и неизвестно, на какую дорогу каждый человек попасть может» (210), «Все ему давали дорогу» (в квартире Берендеевых) (226), «Точь-в-точь как в семье

какой-нибудь, при отъезде кого-нибудь в дальний путь; стоит только встать да помолиться теперь» (в ожидании кареты, которая увезет Голядкина из квартиры Берендеевых в сумасшедший дом) (227), «лошади несут его по какой-то ему незнакомой дороге» (229).

Прямое сюжетообразование также осуществляется последовательным сцеплением мотива душевной болезни Голядкина (причем, важно отметить, паранойи, а не шизофрении) с остальными мотивами. Ср.: «бросил <...> взгляд, так и назначенный с тем, чтоб испелить разом в прах всех врагов его» (113; ср. 115), «как бы стали вы мстить врагу своему, злейшему врагу своему» (117), «у меня есть враги; у меня есть злые враги, которые меня погубить поклялись» (118), «настало <...> время посрамления врагов его» (в квартире Берендеевых) (136), «снег, дождь и все то, чему даже имени не бывает <...> опрокинулось на господина Голядкина (изгнанного с бала у Берендеевых. — *Н. К.*), как бы нарочно сообщась и согласясь со всеми врагами его» (138), «ожесточенная адская злоба врагов его и особенно последнее доказательство этой злобы (появление Голядкина-младшего. — *Н. К.*) оледенили сердце господина Голядкина» (144), «господин Голядкин <...> готов был признать все это несбыточным бредом <...> если б <...> не знал <...> до чего может иногда дойти ожесточенность врага, мстящего за честь и амбицию» (144), «в невинности моей врага презираю» (152), «не только не боялся врагов своих, но даже готов был теперь всех их вызвать на самый решительный бой» (при дружеской встрече с Голядкиным-младшим) (157), «Неожиданное и странное появление ваше <...> после грубого и неприличного со мною поступка врагов моих <...> было зародышем всех недоразумений, в настоящее время между нами существующих» (в письме к Голядкину-младшему) (175), «Герой наш тяжело почувствовал руку врагов на плечах своих» (после того как в присутствии чиновников Голядкин-младший назвал его русским Фоблазом) (196), «если <...> слушать врагов наших, не приняв оправдания с другой стороны <...> тогда можно и пострадать» (197), «я вашим врагом никогда не бывал» (Голядкин-старший

Голядкину-младшему) (201; ср. 203), «Это речь врагов моих» (Голядкин-старший Голядкину-младшему) (202), «есть у вас враг, — суперника вы, сударь, имеете, сильный суперник» (Петрушка Голядкину) (211), «от врага защитите» (215), «близнец его <...> имел именно целью похитить письмо, о котором как-нибудь там пронюхал от врагов господина Голядкина» (220), «от врага защитите» (221), «Пронзительные, неистовые крики всех врагов его покатались ему вслед в виде напутствия» (229).

Сюжетообразование в «Двойнике» не уникально для раннего творчества Достоевского. Так, не только в «Двойнике», но и в романе «Бедные люди» (1846), рассказах «Роман в девяти письмах» (опубл. 1847), «Господин Прохарчин» (1846) прямо образует сюжет прежде всего последовательное сцепление мотива дела с остальными мотивами.⁴ Ср. в «Бедных людях» в сокращенном виде сцепление мотива дела с остальными (полностью см.: 14, 18, 21, 22, 25, 26, 47, 49, 56, 57, 58, 66, 67, 68, 69, 73, 74, 75, 77, 78, 80, 82, 89, 90, 91, 92, 94, 95, 97, 100, 101, 102, 103, 105, 107): «письма хорошее дело; все не так скучно» (18), «через двор перейти нужно будет <...> делу дадут другой смысл» (21), «Вы напрасно стыдитесь ходить к нам, Макар Алексеевич. Какое другим дело! Вы с нами знакомы, и дело с концом!» (22), «вас почти совсем не покидал во все время болезни вашей <...> сам уж не знаю, как я все эти дела обделывал» (т. е. ходил к Вареньке) (26), «что мне-то останется делать?» (если Варенька будет работать гувернанткой) (56), «что я один буду делать на старости <...> Пойду к Неве, да и дело с концом. <...> что же мне без вас делать останется!» (58), «просто так должно было сделаться <...> пропустил я целую строчку» (в спешной бумаге на подписание его превосходительству) (91), «Беды вы с бумагой наделали!» (слова Евстафия Ивановича Девушкину) (92), «да будут славны дела его превосходительства!» (после того

---

⁴ Кроме «Господина Прохарчина», мотив дела везде как бы сопровождается мотивом обстоятельства, который последовательным сцеплением с остальными мотивами прямого сюжетообразования не осуществляет, а, так сказать, его «поддерживает».

как его превосходительство дал Девушкину 100 рублей) (95), «Что им за дело до меня, бедной! <...> вот и думаю, что войдет сию минуту Быков» (97), «Что мне делать?» (кроме как выйти замуж за Быкова) (101), «Что вы сделали, что вы сделали, что вы над собой сделали!» (107), «дурак дураком <...> как будто и прав, как будто и дело до меня не касается» (107), «я вас не пуцую уезжать! <...> что же это в самом деле такое? По какому праву все это делается?» (107).

Два других мотива, прямо образующих сюжет в «Бедных людях» последовательным сцеплением с остальными мотивами, — это надвигающаяся на Вареньку (и Девушкина) смерть (от «она меня с матушкой, может быть, от голодной смерти избавила» (25) до «Я умру, Варенька, непременно умру» (107)) и переживание героями бедности (от «Вот и все мое жалованье. Я-то не ропщу и доволен» (17) до «Вы, может быть, оттого, что он вам фальбалу-то все закупает (выходите замуж за Быкова и уезжаете. — *Н. К.*) <...> Да я вот вам сам, вот только что жалованье получу, фальбалы накуплю <...> вот только жалованья дайте дожждаться мне» (108)).

Ср. также в «Романе в девяти письмах» в сокращенном виде прямо образующее сюжет последовательное сцепление мотива дела с остальными (полностью см.: 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237): «гоняюсь за вами <...> имея переговорить о наинужнейшем деле, и нигде не встречаю вас» (230), «я стеснен и не знаю, что делать придется, коли negliжировать условиями будете» (232), «дела своего добьюсь, цели достигну и вас отыщу» (234), «Поторопиться, не объяснить всего дела и, наконец, оскорбить меня такими обидными подозрениями?!» (234), «делу всему дали глубоко обижающий меня смысл» (235), «вы <...> спокойно сторонились от дела. Потом, наделав со мной таких дел, которых и приличным словом назвать нельзя, стали писать, что вы огорчаетесь» (236), «нарочно умалчивая о деле, говорили о совершенно посторонних вещах» (236). В «Романе в девяти письмах» это единственный мотив, последовательным сцеплением с остальными прямо осуществляющий сюжетообразование.

В «Господине Прохарчине» таких мотивов два: помимо мотива дела, это вина (грех) Прохарчина. Ср. в сокращенном виде (полностью см.: 241, 242, 243, 244, 245, 249, 250, 251, 253, 257, 259, 261, 262, 263) прямо образующее сюжет последовательное сцепление мотива дела с остальными: «дела с обеих сторон (Прохарчина и новых жильцов. — *Н. К.*) пошли с самого начала как будто неладно» (241), «начал его (жильца Зиновия Прокофьяча, предположившего, что Прохарчин откладывает в свой сундук деньги. — *Н. К.*) вновь укорять и стыдить. Но тем дело опять не кончилось, и <...> Семен Иванович (Прохарчин. — *Н. К.*) <...> начал <...> изъяснять <...> что, бедному человеку, ему копить не из чего» (243), Прохарчин «видел ясно, что все это как будто неспроста теперь делается и <...> даром ему не пройдет» (251), «Ты, слышь, дела ты не знаешь» (Прохарчин Марку Ивановичу) (253), Прохарчин «как опытный, тертый капиталист <...> и в гробу не желал <...> потерять минуты в бездействии» (262), «Правый глазок его был как-то плутовски прищурен; казалось, Семен Иванович хотел что-то сказать <...> поскорее, затем, что дела навязались» (262–263).

Ср. также в «Господине Прохарчине» прямое сюжетообразование, осуществляемое последовательным сцеплением мотива вины (греха) героя с остальными мотивами, в полном виде⁵: «прислонив виноватого (помешавшегося Прохарчина. — *Н. К.*) к печке <...> увидели, что <...> был <...> какой ни есть грех» (248), «как будто бы именно господин Прохарчин виноват был» (250), «на деле как будто бы именно так выходило, что виноват не кто другой, как Семен Иванович» (250), «признайтесь, коль грех такой есть!» (256), «был другой какой грех — неизвестно», но Прохарчин умер (259), «Ах, греховодник, обманщик такой!» (262), «Он теперь притихнул (скончавшись. — *Н. К.*) <...> как будто и не он виноват» (262).

---

⁵ В «Бедных людях» прямо образующие сюжет сцеплением с остальными мотивами мотивы надвигающейся на Вареньку (и Девушкина) смерти и переживания героями бедности не рассматриваются даже в сокращенном виде из-за большого объема произведения Достоевского.

Нужно отметить, мотив дела последовательным сцеплением с остальными мотивами прямо образует сюжет также и в рассказе «Скверный анекдот» (1862) — и, на первый взгляд, во многих других произведениях Достоевского (не только ранних).

При этом из повестей Гоголя, значительно повлиявших на раннего Достоевского («Невский проспект», «Нос», «Шинель», «Записки сумасшедшего»), только в «Шинели» мотив дела прямо осуществляет сюжетообразование последовательным сцеплением с остальными мотивами. Причем, как и у Достоевского, чем больше в повестях Гоголя мотивов, прямо осуществляющих сюжетообразование сцеплением с остальными, тем больше объем произведения. Так, у Достоевского в «Бедных людях» (с. 13–108 в 1-м томе Полного собрания сочинений в 30 томах) таких мотивов три, в «Двойнике» (с. 109–229) — четыре, в «Романе в девяти письмах» (с. 230–239) — один, в «Господине Прохарчине» (с. 240–263) — два. Стоит также отметить, при сопоставлении мотивной структуры ранних произведений Достоевского и повестей Гоголя обнаруживается, что Достоевский, несомненно, заимствует у Гоголя большое количество мотивов. Но это не подражание, это, скорее, обращение к авторитетному для Достоевского и одновременно узнаваемому для читателя источнику «большой части произведений нашей повествовательной <...> литературы»⁶ 1840-х гг.

Стоит отметить, каждое прямое сюжетообразование полностью или частично характеризуется сюжетной схемой «экспозиция – завязка – развитие действия – кульминация – развязка».

Выскажу также в связи с изложенным выше несколько предположений. Так, косвенное сюжетообразование, как представляется, может выступать дополнительным элементом сюжетного освоения художественного времени-пространства жанром — в той мере, в какой можно говорить, что жанр обладает собственным уникальным хронотопом. Количество же мотивов, прямо

---

⁶ Шевырев С. П. «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым // Шевырев С. П. Об отечественной словесности / Сост., вступ. ст., коммент. В. М. Марковича. М., 2004. С. 228.

образующих сюжет сцеплением с остальными, на мой взгляд, способно становиться ориентиром при определении того, рассказ ли перед нами (один-два, реже три подобных мотива), повесть (три-четыре подобных мотива) или роман (чаще всего от четырех и далее). Вероятно, количество мотивов, прямо образующих сюжет сцеплением с остальными, способно становиться ориентиром не только в эпическом, но также в лирическом и драматическом родах — при определении того, стихотворение перед нами или поэма, сцена или короткая пьеса и т. д. (Нужно учитывать, правда, что сам автор может считать романом произведение, воспринимаемое большинством читателей как повесть, а произведение, воспринимаемое большинством читателей как рассказ, — повестью и т. п.).

Литературный комментарий к «Двойнику»

В статье приводятся ранее не отмечавшиеся аллюзии, реминисценции, перифразы, параллели в «Двойнике».

Библия

1) Званный обед и бал у Берендеевых *«отзывался чем-то вавилонским в отношении блеска, роскоши и приличия, с шампанским-кликло, с устрицами и плодами Елисеева и Милютиных лавок»* (128). Это аллюзия на «блистательность», «великую роскошь» и «блудодееяние» гибнущего Вавилона, описываемого в Апокалипсисе (гл. 18). Ср. там же: «вина и елєя <...> плодов, угодных для души твоей, не стало у тебя <...> Торговавшие всем сим, обогатившиеся от нее, станут вдали от страха мучений ее, плача и рыдая и говоря: горе, горе тебе, великий город»⁷ (18: 13–16).

---

⁷ Современный русский перевод Библии приводится, если в «Двойнике» к ней идет отсылка по общему содержанию. Когда в отсылке до определенной степени значимы (или могут быть значимы) языковые нюансы, параллельно приводится церковнославянский текст Библии. Обусловлено это тем, что «...для российского светского читателя вплоть до 1860-х гг. Библия была доступна лишь на церковнославянском языке или же в переводе на европейские языки» (Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005. С. 105); русский же перевод Псалтири и Нового Завета — только к этим книгам Библии есть отсылки в «Двойнике» — попал в руки Достоевского в 1850 г. (Отмечу также, что в комментированных изданиях литературных произведений — в отличие от научных работ, посвященных этим произведениям, — фразы, восходящие к библейскому источнику, стоит, на мой взгляд, комменти-

2) «*Положение его* (Голядкина, после того, как он начал осознавать свое раздвоение. — Н. К.) *в это мгновение походило на положение человека, стоящего над страшной стремниной <...> увлекает его в бездну, а между тем у несчастного нет ни силы, ни твердости духа отскочить назад, отвести свои глаза от зияющей пропасти; бездна тянет его*» (142). — Ср.: «да избавлюсь <...> от глубоких вод; да не увлечет меня стремление вод, да не поглотит меня пучина, да не затворит надо мною пропасть зева своего» (Пс, 68: 15–16). Ср. ниже мольбу Голядкина, отсылающую к 106-му псалму: «*Боже мой! Боже мой! <...> подай мне твердость духа в неистощимой глубине моих бедствий!*» (220) (№ 7).

3) В сцене дружеской встречи двух Голядкиных Голядкин-младший «*радовался только одною его* (Голядкина-старшего. — Н. К.) *радостью и смотрел на него, как на истинного и единственного своего благодетеля*» (157). — Ср.: «дополните мою радость: имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единомысленны» (Флп, 2: 2) и «Иисус возвел очи Свои на небо и сказал: <...> да знают Тебя, единого истинного Бога» (Ин, 17: 1–3).

В этой связи можно отметить, появление двойника — следствие унижения Голядкина обществом и отчаянного желания в нем стать важнее и значительнее. Исходное унижение отстраняется от себя героем «забитостью и запуганностью» Голядкина-младшего. Это возвышает освободившегося от униженного «я» Голядкина-старшего не в человеческом достоинстве, а (вследствие неудовлетворенности «амбиции») в дьявольской гордыне, логически доходящей до уподобления Богу. Но чем значительнее становится в ходе развития сюжета Голядкин-младший, тем ничтожнее — Голядкин-старший.

4) В той же сцене «*Господин Голядкин-старший <...> начал доказывать, что нужно возложить всю надежду на Бога. Гость* (Голядкин-младший. — Н. К.) *<...> говорил, что, разумеется, никто таков, как Бог*» (158). — «Никто таков, как

ровать только в том случае, когда они не являются утратившим прямую связь с Библией общим местом и автором «оживляется» исходный «библейский» смысл).

Бог» — от выражения: «Никто не благ, как только один Бог» (по-церковнославянски «никтоже благ, токмо един Бог») (Мф, 19: 17; Мк, 10: 18; Лк, 18: 19).

5) Кроме того, в этой сцене Голядкин-старший говорит, что *«прощение и забвение обид есть первейшая добродетель»* (159). Это восходит к Нагорной проповеди Христа: «если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф, 6: 14–15; ср.: Мк, 11: 25–26).

6) *«Это враги мои говорят»* (169), *«Это речь врагов моих»* (202). — Отсылка к «враги мои говорят против меня» (Пс, 70: 10).

7) *«мысли как-то ни о чем не вязались в его (Голядкина. — Н. К.) голове. Мелькали какие-то лица, припоминались, то неясно, то резко, какие-то давно забытые происшествия, лезли в голову какие-то мотивы каких-то глупых песен... Тоска, тоска была неестественная! “Боже мой! Боже мой! <...> подай мне твердость духа в неистощимой глубине моих бедствий!”»* (220). — Ср.: «душа их истаевает в бедствии; они кружатся и шатаются, как пьяные, и вся мудрость их исчезает. Но воззвали к Господу в скорби своей, и Он вывел их из бедствия их» (Пс, 106: 26–28). До этого в 106-м псалме фраза «воззвали к Господу в скорби своей» (по-церковнославянски «воззваша ко Господу, внегда скорбети им») повторяется трижды (6, 13, 19) (а всего в псалме 4 раза): в первый раз Господь после избавления от бедствия, указывает прямой путь, во второй — выводит «из тьмы и тени смертной», в третий — исцеляет словом Своим, в четвертый (именно сюда отсылает данный фрагмент «Двойника») — умиротворяет, преобразывая «бурю в тишину».

8) Есть мотив, восходящий, вероятно, одновременно и к Библии, и к «Мертвым душам» Гоголя: *«гость (Голядкин-младший. — Н. К.) употреблял всевозможные усилия “найти” в господине Голядкине»* (156; ср. выше, № 3), Голядкин подошел к сослуживцам, *«чувствуя в настоящее время какую-то особенную надобность приобрести и “найти”»* (194), *«как это скоро*

может пойти человек, как подумаешь, и “найти” во всех людях!» (Голядкин-старший о Голядкине-младшем) (200). — Ср.: «приобрести Христа и найтись в Нем» (по-церковнославянски «Христа приобрящу и обрящуся в нем») (Флп, 3: 8–9) и «Приезжий (Чичиков. — Н. К.) во всем как-то умел найтиться» (*Гоголь*. Т. 6. С. 17)⁸.

Стоит отметить, сцена дружеской встречи Голядкина-старшего и Голядкина-младшего (гл. 7) содержит немало отсылок к Новому Завету. В то же время история бедствий Голядкина более ориентирована на Псалтирь.

Гоголь

«Невский проспект» (связь с ним «Двойника» ранее не отмечалась)

Голядкин попадает на обед и бал у Берендеевых после метаний в районе Невского проспекта и ожидания в «одном известном ресторане на Невском проспекте». Камердинер не выпускает его в квартиру. Но герой, постояв в темных сенях «со всяким дразгом, хламом и рухлядью», входит «на чужой бал непрошенный» с черной лестницы: *«подался вперед <...> наткнулся мимоходом на какого-то советника <...> вдруг очутился перед самой Кларой Олсуфьевной. <...> он с величайшим бы удовольствием провалился в эту минуту сквозь землю; но что сделано было, того не воротить... <...> Все <...> столпилось около господина Голядкина. <...> он опустил глаза в землю <...> покраснел и потерялся; потерялся и поднял глаза; поднял глаза и обвел их кругом; обвел их кругом и — и обмер»* (133–134). — В «Невском проспекте» художнику Пискареву снится, что по приказу «барыни» (которой обращивается в его сне встреченная вечером на улице проститутка) лакей приглашает его в дом через «сени с мраморными колоннами, с облитым золотом швейцаром <...> с яркою лампою» (*Гоголь*. Т. 3. С. 23) по парадной «воздушной лестнице»: «он не смел податься вперед <...> опасаясь толкнуть каким-нибудь образом

---

⁸ Во всех статьях книги здесь и далее под этим сокращением имеется в виду: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1937–1952.

какого-нибудь тайного советника. <...> Он покраснел до ушей и, потупив голову, хотел провалиться, но провалиться решительно было некуда: камер-юнкеры в блестящем костюме сдвинулись позади его совершенную стеною. Он уже желал быть как можно подалее от красавицы с прекрасным лбом и ресницами. Со страхом поднял глаза посмотреть, не глядит ли она на него: Боже! она стоит перед ним» (Гоголь. Т. 3. С. 25).

Ср. далее в «Двойнике»: *«музыка умолкла <...> Утомленная танцем, Клара Олсуфьевна, едва переводя дух от усталости, с пылающими щеками и глубоко волнуящаяся грудью упала наконец в изнеможении сил в кресла. Все сердца устремились к прелестной очаровательнице, все спешили наперерыв приветствовать ее и благодарить за оказанное удовольствие, — вдруг перед нею очутился господин Голядкин. Господин Голядкин был бледен, крайне расстроен; казалось, он тоже был в каком-то изнеможении, он едва двигался. Он отчего-то улыбался, он просительно протягивал руку»* (137). — И во сне Пискарева: «Она обвела своими глазами весь круг, наперерыв жаждавший остановить ее внимание <...> Танец длился долго; утомленная музыка, казалось, вовсе погасала <...> Она села, грудь ее воздымалась <...> означил яркую белизну этой прекрасной руки. Коснуться бы только ее — и ничего больше! <...> Он стоял у ней за стулом, не смея говорить, не смея дышать» (Гоголь. Т. 3. С. 25–26). (В любой аллюзии, реминисценции, перифразе прослеживается *намерение* автора соотнести свой текст с чужим. В данном случае намерение видно в том, что «непрощеный» Голядкин продолжает делать в отношении Клары Олсуфьевны то, на что не решается в отношении своей дамы званый Пискарев).

В этой связи стоит отметить, празднование дня рождения Клары Олсуфьевны (которая соотнесена с проституткой из «Невского проспекта» за то, что предпочла невзрачному и немолодому Голядкину 25-летнего Владимира Семеновича, племянника начальника отделения) с самого начала скрыто указывает на вавилонский разврат: обед и бал у Берендеевых *«отзывался чем-то вавилонским в отношении блеска, роскоши и приличия, с шампанским-кликю, с устрицами и плодами Елисеева и Милюти-*

ных лавок» (см. выше). Далее еще раз указывается на гибельную «смесь красоты, блеска, приличия» (130) обеда и бала. После чего следует тому скрытое ироническое проклятие — а также, видимо, всему женскому роду фразой «резвости, радости, все эти игры и смехи всех этих чиновных дам, более похожих на фей, чем на дам» (130). Это отсылка к поэме И. Ф. Богдановича «Душенька» (1783) (кн. 3); ср.:

Сей свет, где ты досель равнялась с божеством,
Отныне в скорбь тебе наполнен будет злом
<...> твои утехы,
Забавы, игры, смехи
<...> прошли, как будто сон.

И одновременно эта фраза — начало соотнесения всей сцены обеда и бала у Берендеевых со сном Пискарева в «Невском проспекте». Ср. в «Двойнике»: «как могу я изобразить <...> резвости, радости, все эти игры и смехи всех этих чиновных дам, более похожих на фей, чем на дам, — говоря в выгодном для них отношении, — с их лилейно-розовыми плечами и личиками, с их воздушными станами, с их резво-игривыми, гомеопатическими, говоря высоким слогом, ножками? Как изображу я вам, наконец, этих блестящих чиновных кавалеров, веселых и солидных, юношей и степенных, радостных и прилично-туманных <...> кавалеров, имевших на себе, от первого до последнего, приличный чин и фамилию, — кавалеров, глубоко проникнутых чувством изящного и чувством собственного достоинства, — кавалеров, говорящих большею частью на французском языке с дамами, а если на русском, то выражениями самого высокого тона» (130–131) и в «Невском проспекте»: «все было для него блистательно. Он увидел за одним разом столько почтенных стариков и полустариков с звездами на фраках, дам, так легко, гордо и грациозно выступавших по паркету, или сидевших рядами, он услышал столько слов французских и английских, к тому же молодые люди в черных фраках были исполнены такого благородства, с таким достоинством говорили и молчали, так не умели сказать ничего лишнего,

так величаво шутили, так почтительно улыбались, такие превосходные носили бакенбарды, так искусно умели показывать отличные руки, поправляя галстух, дамы так были воздушны <...> Они неслись, увитые прозрачным созданием Парижа, в платьях, сотканных из самого воздуха; небрежно касались они блестящими ножками паркета и были более эфирны, нежели если бы вовсе его не касались» (Гоголь. Т. 3. С. 24).

В последней главе «Двойника» после безуспешной попытки увезти Клару Олсуфьевну «в хижину, на берегу моря» (где «попытчиком нужно служить») Голядкин, мечась по Петербургу, опять оказывается в квартире Берендеевых: *«очутился он в зале. Он был бледен, растрепан, растерзан; мутными глазами окинул он всю толпу, — ужас!»* (225). — После отказа проститутки уйти из публичного дома в бедную квартиру Пискарева, чтобы жить с ним своим трудом, «помутившийся умом», «бродивший весь день» Пискарев «зашел <...> на свою квартиру, бледный, с ужасным видом, с растрепанными волосами, с признаками безумия на лице» (Гоголь. Т. 3. С. 33).

Нужно отметить, соотнесение повести Достоевского с «Невским проспектом» задает восприятие чиновничьего мира «Двойника» как губельного для человеческой души в своем обманчивом «блеске, роскоши и приличии». Прельститься этим дьявольским наваждением — значит в погоне за удовлетворением «амбиции» отринуть истинную реальность так, как в своем сне Пискарев. Удовлетворение «амбиции» для Голядкина — утверждение своей личности в обществе. Невозможность самоутверждения рождает безумие — и именно в безумии Голядкин как бы прозревает подлинную сущность отвергнувшего его чиновничьего общества. Так, блистательная Клара Олсуфьевна предпочитает герою молодого племянника начальника отделения и тем самым для Голядкина и повествователя, рассказывающего «приключения своего героя от себя, но совершенно его языком и его понятиями»⁹, делает сущностный для своего мира порочный выбор наподобие проститутки из повести Гоголя.¹⁰

---

⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 565.

¹⁰ В раннем творчестве Достоевского не обнаруживается других от-

«Нос»

Голядкин *«хотел уже выйти на улицу, как вдруг <...> у крыльца загремела карета его превосходительства. Не успел господин Голядкин опомниться, как отворились изнутри дверцы кареты и сидевший в ней господин выпрыгнул на крыльцо. Приехавший был не кто иной, как тот же господин Голядкин-младший <...> пустился скоробежкой вверх по департаментской лестнице»* (193). — Ср.: *«вышел он из кондитерской <...> Вдруг он стал как вкопанный у дверей одного дома <...> перед подъездом остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнул, согнувшись, господин в мундире и побежал вверх по лестнице. <...> это был собственный его нос!»* (Гоголь. Т. 3. С. 54).

«Записки сумасшедшего»

«Прочтя письмо Вахрамеева, герой наш долго еще оставался в неподвижном положении на диване своем. Какой-то новый свет пробивался сквозь весь неясный и загадочный туман, уже два дня окружавший его. Герой наш отчасти начинал понимать» (182), *«новый свет начинал пробиваться сквозь смущение господина Голядкина, новый, ужасный свет, озаривший перед ним вдруг, разом, целую перспективу совершенно неведомых доселе и даже несколько не подозреваемых обстоятельств... <...> — Письмо-с, ваше благородие (слова писаря. — Н. К.)»* (199), *«Вдруг новым светом озарило господина Голядкина; в кармане ощупал он письмо, переданное ему поутру писарем»* (206), *«Новый свет проливался»* (208), *«его вдруг как будто молнией озарило. Мысль о перехваченном письме мелькнула в голове его»* (225). — Ср.: *«меня как бы светом озарило: я вспомнил тот разговор двух собачонок, который слышал я на Невском проспекте. <...> Нужно захватить переписку, которую вели между собою эти дрянные собачонки»*

ссылок к «Невскому проспекту» (если не считать стилистических). Кроме эпизода в «Бедных людях», в котором ломовой извозчик везет простой гроб Покровского, а его *«увязалась <...> провожать <...> какая-то нищая старуха»* (45; ср. 58). Ср. в «Невском проспекте» по поводу смерти Пискарева: *«ломовой извозчик тащит красный, ничем не покрытый гроб бедняка и только одна какая-нибудь нищая, встретившись на перекрестке, плетется за ним, не имея другого дела»* (Гоголь. Т. 3. С. 34) (указано К. А. Барштом).

и «Этот король я. <...> меня вдруг как будто молнией осветило. Я не понимаю, как я мог думать и воображать себе, что я титулярный советник. <...> Теперь передо мною все открыто. <...> А прежде, я не понимаю, прежде все было передо мною в каком-то тумане» (Гоголь. Т. 3. С. 200, 207–208). Все озарения Голядкина вызваны последовательным «сдвигом» его сознания к сумасшествию; все аллюзии обусловлены *безумной перепиской* героя (в предпоследнем случае, с. 208, мотив безумной переписки снят во второй редакции «Двойника» 1866 г.).

«Ревизор»

1) *«остановив руку Крестьяна Ивановича, господин Голядкин стоял теперь неподвижно <...> Тогда произошла довольно странная сцена. <...> Крестьян Иванович <...> смотрел во все глаза господину Голядкину, который таким же образом смотрел на него. <...> Крестьян Иванович встал, придерживаясь немного за лацкан вицмундира господина Голядкина. <...> стояли они таким образом оба, неподвижно и не сводя глаз друг с друга»* (118). — Отсылка к немой сцене, где Добчинский и Бобчинский неподвижно стоят «с устремившимися движеньями рук друг к другу <...> и выпученными друг на друга глазами» (Гоголь. Т. 4. С. 95). Впоследствии в сознании Голядкина-старшего его «короткий знакомый» Голядкин-младший «маскируется» «незнакомцем»-Крестьяном Ивановичем (216). А в последней сцене Голядкин-младший убеждает Голядкина-старшего, что «незнакомец»-Крестьян Иванович — его «давнишний знакомец»; Голядкин-старший снова протягивает доктору руку, тот берет ее и сажает героя в карету (которую отворяет Голядкин-младший). Ср. также «довольно странную сцену» в первой редакции 1846 г. (411–412).

2) Антон Антонович Сеточкин говорит Голядкину: *«Сами же увидите вы, на кого вам пенять»* (163). — Возможно, отсылка к эпиграфу «Ревизора»: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».

«Мертвые души»

1) *«устремивших на него полные ожидания очи»* (129). — Ср.: «Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило

на меня полные ожидания очи?» (*Гоголь*. Т. 6. С. 221)¹¹. Важно добавить, что в сцене обеда и бала у Берендеевых после Андрея Филипповича очи окружающих позже «устремляются» на Владимира Семеновича (129) и Голядкина (136).

2) «*любезный человек во всех отношениях*» (о Голядкине-младшем) (156). — Корреспондирует с выражением «дама приятная во всех отношениях» из гл. 9 «Мертвых душ».

3) «*Разбойник ты этакой! голову ты срезал с меня!*» (слова Голядкина Петрушке) (178). — Ср. слова Чичикова Селифану: «На большой дороге меня собрался резать, разбойник» (*Гоголь*. Т. 6. С. 217).

4) «*Хороший чиновник! И барин твой, говорит, хороший человек <...> уважаю твоего барина! <...> вот*» (слова пьяного Петрушки Голядкину) (179). — Ср. слова выпившего «с хорошим человеком» Селифана: «Вот у помещика, что мы были, хорошие люди. <...> Хорошему человеку всякой отдаст почтение. Вот барина нашего всякой уважает» (*Гоголь*. Т. 6. С. 41).

5) «*пресдобная бабенка*» (слова Голядкина-младшего) (202). — Ср. слова Чичикова: «Славная бабенка!» (*Гоголь*. Т. 6. С. 93).

Остальное

1) Голядкин видел, что «*настало время удара смелого, время поспрамливания врагов его*» (136). — Аллюзия на повесть Н. М. Карамзина «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» (1803): «Настало время мести, время славы и торжества христианского. Еще удар последний не совершился, но Иоанн, избранный Богом, не опустит державной руки своей, доколе не сокрушит врагов и не смешает их праха с земною перстию»¹².

2) Из рассказов Голядкина-старшему Голядкину-младшему (156):

---

¹¹ См.: *Виноградов В. В.* К морфологии натурального стиля (Опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник» // *Виноградов В. В.* Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 117.

¹² *Карамзин Н. М.* Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 685.

«два англичанина приехали нарочно из Англии в Петербург, чтоб посмотреть на решетку Летнего сада, и тотчас уехали». — Неточный пересказ известной петербургской легенды об **одном** богатом англичанине, приехавшем в Петербург только с тем, чтобы увидеть чугунную ограду Летнего сада со стороны Невы, — и сразу же уплывшем домой.

«Россия с часу на час идет к совершенству». — Намек на фразу шефа корпуса жандармов А. Х. Бенкендорфа (умер в 1844 г.): «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно; что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение» («ответ» «сумасшедшему» П. Я. Чаадаеву).

3) «Чем бы смолоду ее, того... да и розгой подчас» (Голядкин о Кларе Олсуфьевне) (212). — Вероятно, намек на пословицу: «Береги честь смолоду» (эпиграф к «Капитанской дочке» Пушкина).

4) «это все в порядке вещей, ибо и быть не может никаким другим образом» (220). — Перифраза теоремы 33 из первой части («О Боге») «Этики» (опубл. 1677) Б. Спинозы: «Вещи не могли быть произведены Богом никаким другим образом и ни в каком другом порядке, чем произведены»¹³.

5) «ворковать начнем <...> да так и всю жизнь проведем, в довольстве и счастии; да потом заведется птенец» (мысль Голядкина в ожидании Клары Олсуфьевны) (221). — Образы и сюжет характерны для идиллии сентименталистов. Ср., например, в идиллии А. Х. Востокова «Шишак» (опубл.: «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах. Ч. 2» (1806) и «Стихотворения» (1821)):

Гнездо двух нежных горлиц. —
Они под сенью крылий
Усыпили птенцов.
Друг друга милованье
И сладко воркованье —
Троякая любовь!

---

¹³ Спиноза Б. Соч.: В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 278.

б) «А нежностей, сударыня, нынче не любят <...> прошли времена Жан-Жака Руссо» (Голядкин в своем воображении к Кларе Олсуфьевне) (222). — Подразумевается сентиментальный **эпистолярный** роман Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761; первый русский перевод — 1769).

Стоит отметить, претензия Голядкина на «особость» при отсутствии оригинальности обуславливает то, что любой штамп, любую банальность (например, пословицы) он подсознательно хотя бы чуть-чуть, но изменяет. То же делает и повествователь, рассказывающий «приключения своего героя от себя, но совершенно его языком и его понятиями»¹⁴.

---

¹⁴ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 565.

Проблема эмоциональной памяти жанра: ранний Достоевский и сентиментальный роман

Эмоциональная память жанра — механизм жанрового запоминания («присвоения») и воспроизведения эмоций и чувств героев, рассказчика, автора. Благодаря этому механизму определенные эмоции и чувства становятся характерными для определенного жанра и, более того, сами в некоторой степени характеризуют данный жанр — в частности, сентиментальный роман характеризуют чувствительность, слезливость, нежность и др.

Герои Достоевского обращаются к эмоциональной памяти сентиментального романа в той мере, в какой «примеряют» эмоциональные состояние и поведение персонажей данного жанра на собственную жизнь и жизнь окружающих.¹⁵ При этом, нужно заметить, обращаясь в целом к эмоциональной памяти жанра сентиментального романа, герои Достоевского в то же время эмоционально — в статье вычленяется и исследуется только этот уровень взаимодействия в творчестве писателя с данным жанром — ориентируются на чувства и обусловленное ими поведение персонажей, воспроизводимые в каком-то определенном,

---

¹⁵ См. в этой связи: «Достоевский щедро наделял своих героев пронительным жанровым мышлением. Они очень остро чувствуют коллизию между жанром и жизнью, очень четко угадывают совпадения “условленных” и “естественных” форм существования. Жанр для них — устойчивая форма осмысления действительности, литература и жизнь — единая стихия бытия» (*Захаров В. Н.* Система жанров Достоевского (типология и поэтика). Л., 1985. С. 114).

в основном зарубежном: чаще французском, реже немецком, сентиментальном романе (или сразу в нескольких определенных сентиментальных романах). Так, например, в «Двойнике» Голядкин мысленно обращается к Кларе Олсуфьевне: *«прикажете мне, сударыня вы моя, следуя некоторым глупым романам, на ближний холм приходить и таять в слезах, смотря на холодные стены вашего заключения, и наконец умереть, следуя привычке некоторых скверных немецких поэтов и романистов»* (221). Здесь, как отмечает Г. М. Фридлиндер, подразумевается сентиментальный роман И. М. Миллера «Зигварт» (1776) (см.: 495–496). Далее Голядкин снова мысленно обращается к Кларе Олсуфьевне: *«А нежностей, сударыня, нынче не любят, в наш промышленный век; дескать, прошли времена Жан-Жака Руссо»* (222). Здесь подразумевается сентиментальный роман Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза».

Стоит также отметить, что в творчестве Достоевского имена персонажей сентиментальных романов могут указывать на «сентиментальный» вариант развития событий (в котором легко вычленивается эмоциональная составляющая), заданный и тем произведением, к которому отсылает автор, и жанром сентиментального романа в целом. Так, употреблявшиеся в качестве нарицательных имена несчастных, предпочитающих смерть разлуке любовников Терезы и Фальдони из сентиментального романа французского писателя Н. Ж. Леонара «Тереза и Фальдони, или Письма двух любовников, живущих в Лионе» (1783) носят в «Бедных людях» слуги, исполняющие поручения Макара Девушкина. В. В. Виноградов в этой связи отмечает: «В “Бедных людях” взята традиционная форма сентиментального “мещанского” романа — переписка любовников, с внедрением записок, излагающих *Vorgeschichte* одного из них, и с трагическим концом. <...> с резкой и преднамеренной подчеркнутостью символизирован литературный сдвиг старых сентиментальных тем и героев, которые должны, как *Тереза* и *Фальдони*, пойти в услужение *героям* и общим тенденциям поэтики “натуральной” школы»¹⁶.

---

¹⁶ Виноградов В. В. Школа сентиментального натурализма (Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов) //

Варенька и Макар Девушкин, в услужение у которых находятся Тереза и Фальдони, разлучаются, но не погибают, хотя мотив надвигающейся на героев смерти играет важную роль в формировании эмоциональной составляющей романа Достоевского.¹⁷

Отдельно стоит упомянуть, что жанровое запоминание и воспроизведение эмоций и чувств происходит совместно с вызывающими их темами и мотивами, которые становятся в ходе развития жанровой традиции знаками этих вызываемых ими эмоций и чувств.¹⁸

Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 163.

¹⁷ См., в частности, статью «Сюжетообразование в ранних произведениях Достоевского и повестях Гоголя». Ср. также: «В “Бедных людях” можно увидеть прямую переключку с романом Леонара не только в напряженности лирико-драматического тона переписки между двумя несчастными влюбленными, но и в содержании конкретных мотивов и образов. <...> История любви, как и в “Бедных людях”, пронизана элегическими мотивами “уходящего времени”. Образы “осени” и “зимы” приобретают значение лирико-философского символа — роковой неизбежности трагической развязки, угасания и гибели красоты» (*Жилякова Э. М.* Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844–1849). Томск, 1989. С. 55–56).

¹⁸ Об эмоциональной составляющей в творчестве Достоевского см. также: *Касаткина Т. А.* Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М., 1996.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Псалтирь в творчестве Достоевского (рассказ «Скверный анекдот»)

К вопросу «Достоевский и Псалтирь» обращались нечасто¹⁹; в основном приводились и анализировались цитаты, перифразы, аллюзии, реминисценции из Псалтири. Я же на — примере рассказа «Скверный анекдот» (1862) — попытаюсь исследовать проблему *тематической общности* произведений писателя с Псалтирью.²⁰

Так, на мой взгляд, прослеживается некоторая тематическая общность «Скверного анекдота» и первой части 68-го псалма. Ее основные темы — «чуждость» «братьям», унижение и поношение, а также, в меньшей степени, «ревность по доме Твоем».

---

¹⁹ Наиболее подробно в работах: *Михновец Н. Г.* 136-й псалом в творчестве Ф. М. Достоевского // *Михновец Н. Г.* Прецедентные произведения и прецедентные темы в диалогах культур и времен. Место и роль прецедентных явлений в творчестве Ф. М. Достоевского. СПб., 2006. С. 207–261; *Степанян К.* Достоевский и Псалтирь // *Достоевский и мировая культура*. М., 2007. № 22. С. 383–395.

²⁰ О прекрасном знании Псалтири Достоевским см.: Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005. С. 108.

Собственно, можно говорить, что использование Достоевским в «Скверном анекдоте» аллюзий и реминисценций отчасти определено темами, общными с темами первой части 68-го псалма. (Само же по себе явление *тематической обусловленности* использования любым писателем цитат, аллюзий, реминисценций, параллелей, перифраз заслуживает отдельного рассмотрения).

Ниже приводятся ранее не отмечавшиеся аллюзии и реминисценции в «Скверном анекдоте» — вслед за обусловившими их темами, общными с темами первой части 68-го псалма.

Тема «чужим я стал для братьев моих» (Пс, 68: 9):

1) до осознания правоты слов генерала (тайного советника) Никифорова («Не выдержим») генерал (действительный статский советник) Пралинский, возвращаясь от Никифорова слегка пьяным и заходя на свадьбу к коллежскому регистратору Порфирию Пселдонимову, своему подчиненному и «брату», с любовью (ср. слова Пралинского: «я люблю вас всех... да, и люблю Пор... Порфирия» (5, 33)²¹) *«простирал объятия всему человечеству и всем своим подчиненным»* (5, 28). — Ср. стихотворение А.В. Кольцова «Разуверение» (1829; опубл. 1830, в другой редакции 1841): «Я простирал мои объятия / Ко всем с любовью, как братьям!» с последующим разочарованием лирического героя.

Тема «ревность по доме Твоем снедает меня» (Пс, 68: 10):

1) «*Я разве затем пришел, чтоб здесь есть и пить?*» (мысль пьянеющего Пралинского на свадьбе Пселдонимова) (5, 28). — Ср.: «Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить?» (1 Кор, 11: 22). Приведу фрагмент из Первого послания к Коринфянам полностью: «вы собираетесь, *так, что это* не значит вкушать вечерю Господню; ибо всякий поспешает прежде *других* есть свою пищу, *так что* иной бывает голоден, а иной упивается. Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете неимущих? Что сказать вам? похвалить ли вас за это? Не похваляю» (1 Кор, 11: 20–22)). Ср.

---

²¹ Здесь и далее в статье цитаты из произведений Достоевского приводятся по Полному собранию сочинений писателя в 30 т. (Л., 1972–1990) с указанием в скобках номера тома и, через запятую, страницы.

далее «Па-хвально, па-хвально!» в адрес Пралинского от молодого учащегося.

Тема «поношение мое, стыд мой и посрамление мое» (Пс, 68: 20):

1) «*Что скажет <...> Степан Никифорыч, Семен Иваныч*» (мысль Пралинского) (5, 28). — Ср. слова Фамусова в «Горе от ума» А. С. Грибоедова: «что станет говорить / Княгиня Марья Алексевна!»²² (д. 4, явл. 15).

2) «*Я вижу, они там пересмеиваются... Уж не надо мной ли*» (мысль Пралинского) (5, 29). — Ср. слова попавшего в «посмешище» (комедию) городничего из «Ревизора» Гоголя: «будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеетесь? над собою смеетесь!» (д. 5, явл. 8; *Гоголь*. Т. 4. С. 94).

3) после оскорбительных слов сотрудника «Головешки» Пралинский «*остановился как столб и совершенно не знал, что предпринять. Гости тоже онемели на своих местах. <...> аплодировали, кричали “браво, браво!”*» (5, 34). — Ср. немую сцену в «Ревизоре»: «Произнесенные слова поражают, как громом, всех. <...> гости остаются просто столбами. <...> окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается» (*Гоголь*. Т. 4. С. 95).

Помимо первой части 68-го псалма, для понимания идейного замысла рассказа Достоевского крайне важны реминисценции из «Шинели» Гоголя. (Связь «Скверного анекдота» с этой повестью, как и со всеми рассматриваемыми в статье произведениями (кроме «Мертвых душ»), ранее на уровне аллюзий и реминисценций не отмечалась). Так, Пралинский говорит сотруднику «Головешки»: «*Молодой человек, опомнитесь! с кем вы, так сказать, говорите!*» (5, 34). В «Шинели» значительное лицо, распекая Башмачкина за «буйство» «против начальников и высших», называет его «молодым человеком» и спрашивает: «Знаете ли вы, кому это говорите?» (*Гоголь*. Т. 3. С. 167). Однако в «Скверном анекдоте» сотрудник «Головешки» вместо того чтобы «обмереть», как Башмачкин, отвечает Пралинскому: «С

---

²² *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 122.

вами, и, во-вторых, я не молодой человек» (34). Следующее далее восклицание Пралинского «*что это!*» повторяет «Что, что, что?» значительного лица. Таким образом, ситуация «Шинели» воспроизводится в «Скверном анекдоте» с точностью до наоборот. В повести Гоголя говорится о значительном лице: «слово его может лишить даже чувств человека»; «обмершего» от страха Башмачкина после «распеканья» выносят из кабинета «почти без движения» (Гоголь. Т. 3. С. 167). В «Скверном анекдоте» «распекают» уже Пралинского, который в ужасе «остановился как столб» и «чувствовал, что каждое слово сотрудника было новым кинжалом для его сердца» (5, 34). Однако так же, как сторожа «выносят» Башмачкина, сотрудника «Головешки» выгоняет за двери Пселдонимов, «сторож» генерала Пралинского (ср.: «*Что он сторожит, что ли, меня?*» (немой вопрос генерала к Пселдонимову) (5, 25) и «*Он действительно как будто сторожил его*» (5, 32)).

Чрезвычайна важна реминисценция из «Шинели» в самой концовке «Скверного анекдота»:

«Он (Пралинский. — Н. К.) смотрел в зеркало и не замечал лица своего.

— Нет, строгость, одна строгость и строгость! — шептал он почти бессознательно про себя» (5, 45). В «Шинели» говорится о значительном лице следующее: «Главным основанием его системы была строгость. „Строгость, строгость и — строгость“, говаривал он обыкновенно, и при последнем слове обыкновенно смотрел очень значительно в лицо тому, которому говорил» (Гоголь. Т. 3. С. 164).

Тема 68-го псалма «я погряз в глубоком болоте» (Пс, 68: 3) корреспондирует с нежеланием Пралинского видеть в зеркале свое значительное лицо. На уровне аллюзий и реминисценций уже из «Мертвых душ» Гоголя это по большому счету «бесчестием покрытое» (Пс, 68: 8) (ср. о герое: «яркая краска облила все его лицо. Ему стало вдруг до того стыдно, до того тяжело» (5, 45)) лицо чиновника. Ср. о чиновниках в «Скверном анекдоте»:

1) «*сидел на хорошем месте и сидел очень крепко*» (о генерале (действительном статском советнике) Шипуленко) (5, 6). — Ср.

в «Мертвых душах»: «Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а все прямые, и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрещит и угнется под ними, а уж они не слетят» (Гоголь. Т. 6. С. 15).

2) «все они мошенники» (слова Пралинского о генералах Шипуленко и Никифорове) (5, 11). — Ср. в «Мертвых душах» слова Собакевича о высокопоставленных чиновниках города NN: «это всё мошенники <...> мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет» (Гоголь. Т. 6. С. 97).

3) «пришел в такое недоуменье и в такой даже испуг, что наговорил самой неожиданной дряни» (о столоначальнике Акиме Петровиче, у которого Пселдонимов попросил в долг) (5, 38). — Ср. в «Мертвых душах»: «председатель палаты так смутился, увидя его, что не мог связать двух слов и наговорил такую дрянь, что даже им обоим сделалось совестно» (Гоголь. Т. 6. С. 212).

Кроме того, честолюбие «гуманного» генерала Пралинского обыгрывается вероятным намеком на стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»: герой мечтает, что его «долго будет помнить Россия. Даже мерещились ему подчас монументы. Из этого видно, что Иван Ильич (Пралинский. — Н. К.) хватал высоко <...> он был добрый и поэт в душе» (5, 7).

«Двойник», «Роман в девяти письмах», «Господин Прохарчин». К реальному комментарю

Ниже приводятся фрагменты из реального комментария к «Двойнику», «Роману в девяти письмах» и «Господину Прохарчину», как вошедшие (в полном или сокращенном виде), так и не вошедшие в 1-й том академического 2-го дополненного и исправленного Полного собрания сочинений Достоевского в 35 томах.

«Двойник»

«Костюмирован он (Петрушка. — Н. К.) был странно донельзя. На нем была зеленая, сильно подержанная лакейская ливрея, с золотыми обсыпавшимися галунами и, по-видимому, шитая на человека ростом на целый аршин выше Петрушки. В руках он держал шляпу, тоже с галунами и с зелеными перьями, а при бедре имел лакейский меч в кожаных ножнах» (111). — Петрушка одет (в понимании Голядкина) как гайдук — у знатных дворян стоящий на запятках кареты выездной лакей высокого роста, в военной венгерской, гусарской или казачьей одежде. Гайдуки являлись также телохранителями.

«Бойкая пара казанских лошадок, весьма знакомая господину Голядкину, запряженных в щегольские дрожки, быстро обгоняла с правой стороны его экипаж» (112–113). — Казанская лошадь — то же, что казанка, татарка: порода быстрых, приземистых, с длинной гривой лошадей, преимущественно саврасой или бурой масти.

«доктор медицины и хирургии» (звание Крестьяна Ивановича Рутеншпица) (114) — «учено-практическое» меди-

цинское звание, согласно «Правилам врачей, фармацевтов, ветеринаров, дантистов и повивальных бабок», утвержденным в 1845 г. Для его получения нужно было выдержать соответствующий экзамен, публично проведя две сложные операции.

Рутеншиц награжден *«значительным орденом»* (114). — Вероятнее всего, это Императорский и Царский орден Св. Станислава II степени; знаком ордена был крест на шее на ленте (ср. ниже о Крестьяне Ивановиче: «На шее незнакомца был орден» (216) и «с значительным крестом на шее» (227)). Именно этим орденом был награжден в 1835 г. главный доктор Московской Мариинской больницы для бедных (где служил отец Достоевского) немец А. А. Рихтер²³, а также доктор-немец в «Униженных и оскорбленных» (ср.: Нелли «смотрела на его огромный Станислав, качавшийся у него на шее»²⁴). Возможно также, что Крестьян Иванович был награжден Императорским орденом Св. Анны II степени.

«друзей и знакомых должно посещать, а вместе с тем и бутылки врагом не бывать» (115). — Выражение «враг бутылки» — калька с французского фразеологизма *l'ennemi de la bouteille*. Ср. в «Капитанской дочке» Пушкина: «К тому же не был он (Бопре. — Н. К.) (по его выражению) и *врагом бутылки*, т. е. (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее»²⁵.

Голядкин *«поспешил заметить <...> что он, как и все, что он у себя, что развлечения у него, как и у всех»* (115). — «У себя» — т. е. на своем месте, занимает свое определенное место в обществе. Ср. слова Голядкина на балу у Берендеевых: «я здесь у себя, то есть на своем месте» (136).

«в большом свете, Крестьян Иванович, нужно уметь паркетны лощить сапогами... (тут господин Голядкин немного пришаркнул по полу ножкой)» (116). — Обыгрывается понятие «паркетник» —

---

²³ См.: *Нечаева В. С.* В семье и усадьбе Достоевских (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М., 1939. С. 98.

²⁴ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 3. С. 277.

²⁵ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 8 (Кн. 1). С. 280.

паркетный шаркун, пустой светский человек (см.: *Даль*.²⁶ Т. 3. С. 30). (Именно паркетником становится Голядкин-младший).

«*нынче, как всему свету известно, вывелись бабушки, которые ворожат*» (120) (Голядкин о получившем чин коллежского ассессора Владимире Семеновиче, племяннике начальника отделения). — Обыгрывается поговорка: «Бабушка ворожит»; о том, кому все удастся вследствие покровительства, протекции. (Ср. также: «Хорошо тому жить, кому бабушка ворожит» (*Даль*. Т. 1. С. 411)).²⁷

Остановившись у Гостиного двора, Голядкин пошел «*в лавку серебряных и золотых изделий*» (122). — Золото, серебро, бронза и изделия из них продавались в магазинах Зеркальной линии — торгового ряда Большого Гостиного двора вдоль Большой Садовой (ныне Садовой) улицы.

Затем Голядкин «*взял номер лавки*» (122) — Все магазины, в том числе «окошки» с прилавком, имели в Большом Гостином дворе свой порядковый номер.

и «*пошел вдоль по линии*» (122) — по Зеркальной либо по Суконной линии Большого Гостиного двора вдоль Невского проспекта, где продавались мануфактурные, галантерейные и парфюмерные товары, а также писчебумажная продукция и книги.

«*Мимоходом забежал он в меняльную лавочку*» (122). — Меняльные лавки были разбросаны по всему Большому Гостиному двору.²⁸ С момента основания Большого Гостиного двора большая их часть находилась на Банковской линии вдоль Чернышева переулка (ныне ул. Ломоносова), где впоследствии также открылись писчебумажные и мануфактурные магазины.

После «*остановился он в магазине разных дамских материй*» (122) — в одном из мануфактурных магазинов Суконной или Банковской линий Большого Гостиного двора. Различные при-

---

²⁶ Здесь и далее в статье под этим сокращением имеется в виду: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. М., 2001.

²⁷ См.: *Ветловская В. Е.* Ф. М. Достоевский // Русская литература и фольклор (Вторая половина XIX в.). Л., 1982. С. 72.

²⁸ См.: *Богданов И. А.* Большой Гостиный двор в Петербурге. СПб., 2001. С. 168.

надлежности дамского туалета также продавались в магазинах Большой Суrowsкой линии, расположенной от Невского проспекта до Чернышева переулка, и Малой Суrowsкой линии, выходящей на Чернышев переулок.

«Из Гостиного двора герой наш отправился в один известный мебельный магазин» (123). — По всей видимости, в один из магазинов Мебельного ряда Малого Гостиного двора.

Далее, сев в карету, Голядкин «приказал своему кучеру остановиться возле одного известного ресторана на Невском проспекте» (123). — Этот «известный ресторан» ниже назван Голядкиным «кофейным домом» (175). В то время на Невском проспекте и во всем Петербурге было лишь два «кафе-ресторанта» (кафе-ресторана) — трактирных заведений нового типа, разрешенных к учреждению в 1841 г. и объединявших характерные особенности как «рестораций» (ресторанов), так и «кофейных домов» (кофеен). Первым был открыт в 1841 г. «Доминик» (владелец «мастер кандитерского цеха» Доминик Риц-Апорт; д. 24, здание церкви Святых Петра и Павла), вторым — кафе-ресторант Излера (д. 42). В кафе-ресторантах предлагались в основном прохладительное, сласти и легкая закуска — то, «что потребляется на закуску людьми порядочными» (173). Напитки подавались не порциями, как в трактирах, а в чашках и стаканах; спиртное — в рюмках (ср.: «выпив одну рюмочку водки» (123)). Посетители имели возможность просматривать все дозволенные правительством русские и зарубежные газеты (ср.: «Голядкин <...> пристроился к одной тощей национальной газетке» (123)), играть в бильярд, кегли, домино, шахматы, шашки. Оба кафе-ресторанта пользовались большой популярностью (ср.: «стояла довольно густая толпа посетителей» (173)).²⁹ Голядкин, по всей видимости, зашел в кафе-ресторант Излера, славившийся своими расстегаями; см.: 173.

«Господин Голядкин <...> поднял повыше свой енотовый воротник» (127). — Ср. в «Записках из подполья»: «воротник был енотовый, что составляло уже верх лакейства»³⁰.

---

²⁹ См.: Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. СПб., 2003. Т. 2: Десятнадцатый век (Кн. 2). С. 338–339, 533–534.

³⁰ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 5. С. 131.

После того как его не пустили в квартиру Берендеевых, Голядкин, *«миновав Семеновский мост, приказал поворотить в один переулочек и остановиться возле трактира довольно скромной наружности»* (128). — Имеется в виду Апраксин переулочек.³¹ «Трактиром скромной наружности» мог быть находившийся там трактир купца 2-й гильдии А. А. Дурдина.

Затем Голядкин *«Петрушке приказал идти домой и ждать его возвращения, сам же вошел в трактир»* (128). — Согласно «Положению о трактирных заведениях и местах для продажи напитков в столице» от 1835 г., в трактиры запрещался вход женщинам, солдатам, крестьянам и слугам в ливреях. (Петрушка был в ливрее. Если бы он остался с Голядкиным, герой вместе со слугой вряд ли бы решился проникнуть на «чужой бал непрошенный» к Берендеевым).

Обед у Берендеевых был *«с шампанским-клико, с устрицами и плодами Елисеева и Милютиных лавок»* (128). — Имеются в виду известные высоким качеством товаров гастрономические магазины купцов 1-й гильдии Степана, Сергея и Григория Елисеевых (лавка по продаже вина и фруктов на Невском проспекте, д. 18, и магазин колониальных товаров на Биржевой линии, д. 10) и славившиеся изысканными деликатесами, в частности устрицами, и дороговизной Милютини лавки (Милютинские, Милютини ряды) на Невском проспекте, д. 27.

«гомеопатическими, говоря высоким слогом, ножками» (130) (о дамах на балу у Берендеевых). — Гомеопатические — очень маленькие, миниатюрные.

«Ветер выл <...> вздымая выше колец черную воду Фонтанки» (138). — В стены гранитных набережных рек и каналов Петербурга у спусков к воде встраивались кольца для причаливания лодок.

«Где-то далеко раздался пушечный выстрел. “Эка погодка, — подумал герой наш, — чу! не будет ли наводнения? видно, вода поднялась слишком сильно”» (140). — Согласно указу 1777 г., выстрелами из пушки, а также сигнальными огнями и барабанным

---

³¹ См.: Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М., 2004. С. 243.

и колокольным боем в Петербурге извещали об угрозе наводнения.

«*Ему (Голядкину. — Н. К.) даже пришло было в голову самому как-нибудь подбиться к чиновникам, забежать вперед зайцем*» (151). — Забежать вперед зайцем — подольститься (см.: *Даль*. Т. 1. С. 1107).

«*благородный нищий в заштопанном фраке и с благородным паспортом в кармане*» (154). — Благородный паспорт — здесь: диплом на дворянство.

выпивший Голядкин-старший присел на постель к Голядкину-младшему «*курныкая головой*» (159). — Курныкать — мурлыкать; петь про себя, вполголоса. Здесь, вероятно: трести головой, словно бы мурлыча, напевая что-то под нос.

«*на тряском экипаже своего ваньки*» (170). — Ванька — дешевый извозчик; в отличие от «лихачей» и «живейных», как правило, приехавший в город на заработки крестьянин на одноконной пролетке — легком открытом четырехколесном двухместном экипаже.

«*Возьмешь его (письмо. — Н. К.) и отнесешь в департамент; там отыщешь дежурного, губернского секретаря Вахрамеева*» (Голядкин Петрушке) (176). — На случай получения срочных бумаг по окончании работы государственных учреждений назначались дежурные (в том числе на ночное время) — как правило, из младших чиновников.

«*грезилось господину Голядкину, что находится он в одной прекрасной компании, известной своим остроумием и благородным тоном всех лиц, ее составляющих; что господин Голядкин в свою очередь отличился в отношении любезности и остроумия, что все его полюбили <...> что все ему отдали первенство*» (185). — Вероятно, пародийное изображение «любви» кружка Белинского к «отличившемуся» и «первенствовавшему» романом «Бедные люди» Достоевскому.

«*Это был писарь Остафьев <...> человек отчасти нужный и за гривенник готовый на все*» (189). — Нужный — нуждающийся, бедный.

«*один отставной военный*» (208). — В случае беспорочной службы военные, выходя в отставку, получали право продолжать носить воинский мундир.

«*из нижнего платья две штуки-с*» (210). — Нижнее платье — все виды штанов (панталоны, брюки и т. д.).

«*все мое дело на ветер пошло*» (мысль Голядкина) (215). — Ср. поговорку: «С ветра пришло, на ветер и пошло» (*Даль*. Т. 1. С. 317).

«*Я могу <...> этак от жильцов*» (220) (мысль Голядкина в ожидании Клары Олсуфьевны у дома Берендеевых) — т. е. переехать из мебелированной «собственной квартиры своей», нанимаемой у ее хозяина, в помещение (квартиру, комнату, угол), арендуемое у его жильца. Жилец — наниматель помещения в доме.

«*Нынче муж, сударыня вы моя, господин, и добрая, благовоспитанная жена должна во всем угождать ему*» (222). — Возможно, популярным в 1840-е гг. идеям Ж. Санд о равноправии мужчины и женщины в браке Голядкин противопоставляет установившийся в обществе и поддерживаемый правительством Николая I «благонамеренный» и основанный на практическом взгляде на жизнь (ср., в частности, рассуждения о браке чиновника Петра Ивановича Адуева в «Обыкновенной истории» (1847) И. А. Гончарова) идеал семейных отношений, восходящий к принципам Нового Завета: «замужняя заботится о мирском, как угодить мужу», «жене глава — муж» (1 Кор, 7: 34; 11: 3; ср. также: Еф, 5: 22–23).

«*зеленых форменных брюк*» (229) Голядкина-младшего. — Согласно «Положению о гражданских мундирах» от 1834 г. чиновники 10–6 разрядов (к ним относился Голядкин-младший) во введенной десятиразрядной градации должностей (которой соответствовало шитье на парадных мундирах) в холодное время года должны были носить «сверх сапогов» вместо белых суконные панталоны (брюки) под цвет вицмундира (темно-зеленого у гражданских чиновников IX класса «Табели о рангах»).

«Роман в девяти письмах»

«не в клубе ли вы Соединенного общества на бале?» (230). — Клуб Соединенного общества был основан в 1783 г. и первоначально именовался «Американским». Клубом Соединенного общества он стал называться после того, как к нему присоединилось танцевальное заведение Квятковского.³² В отличие от аристократического Английского клуба³³, членами Клуба Соединенного общества являлись чиновники, купцы первой и второй гильдии, артисты. Ср. ироническую характеристику в статье В. Г. Белинского «Петербургская литература» (1845): «петербургская публика средней руки больше всего ценит в писателе изображение сильных страстей на манер Марлинского и хороший тон вроде того, который блестит в бесподобных творениях ее сочинителей, набравшихся хорошего тона в Клубе соединенного общества»³⁴. Ср. также высказывание Достоевского об И. А. Гончарове: «Джентльмен из Соединенного общества, где он членом, с душою чиновника, без идей и с глазами вареной рыбы, которого Бог будто на смех одарил блестящим талантом»³⁵ (письмо к Е. Н. Врангелю от 9 ноября 1856 г.).

«коли дело дошло до пера, то все в строку» (Петр Иваныч Ивану Петровичу) (231). — Ср. «Не все в строку» и «Не всякое лыко в строку» (*Даль*. Т. 4. С. 576).

«В театральные же представления иногда вводят пальбу и искусственно машинами сделанный гром» (232). — Ср. у

---

³² См.: *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 635; *Пыляев М. И.* Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. 2-е изд. СПб., 1889. С. 228; Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. СПб., 2004. Т. 2: Деятнадцатый век. (Кн. 3). С. 287–288.

³³ См. о нем: *Завьялова Л.В.* Петербургский Английский клуб, 1770–1918: Очерки истории. СПб., 2004.

³⁴ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 8. М., 1955. С. 558.

³⁵ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28 (Кн. 1). С. 244.

А. А. Григорьева в «Заметках о московском театре [Обзор репертуара прошедшего сезона]» (Отечественные записки. 1850. № 6. Отд. VIII. С. 168–172): «Уже при Шекспире в эпоху его славы введены были машины и декорации. В наше время они еще более необходимы <...> Все это условия внешние, но необходимые для произведения полного впечатления»³⁶.

доктор «*протисал ему* (сыну, у которого «вырезаваются» зубы. — Н. К.) *ревеньку*» (Петр Иванович Ивану Петровичу) (233). — Корень ревеня, крупного многолетнего травянистого растения, широко использовался в России как слабительное средство; в XIX в. во многих домах хранились деревянные коробочки с порошком из него.³⁷

«*собирать по улицам лоскутки всякой всячины*» (239). — Обыгрывается понятие «лоскутчик» — торговец лоскутами ткани, собирающий их и одевающийся в них; оборванец (см.: *Даль*. Т. 2. С. 443).

«Господин Прохарчин»

Прохарчин говорит жильцам, что «*каждый месяц своей золовке по пяти рублей в Тверь отсылает*» (243). — Золовки, сестры мужа, у Прохарчина быть не может; это «произведение недостаточности воображения» героя (см. с. 261) (совместно с В. Е. Ветловской). Потому «долгий и пространный» монолог Прохарчина «о бедном человеке, о рублях и золовке» и кажется окружающим «весьма любопытным и вместе с тем страх как забавным». Когда же жильцы кладут на кровать героя «*золовку, то есть куклу, форму* (в значении «фигура». — Н. К.), *сделанную из старого хозяйкина платка, чепца и салона*» (248), это не просто злая шутка, но и наказание за явную ложь.

«*уже весь нос покраснел и вспух у Океанова за игрой в носки и в три листика*» (248). — Игра в носки и игра в три листика (дру-

---

³⁶ См.: Григорьев А. А. Театральная критика. Л., 1985. С. 72–73.

³⁷ См., в частности: Тихонов В. А. Былое (из семейной хроники) // Исторический вестник. 1900. Т. 79 (№ 1–3). № 2. С. 537.

гое название — свара) — карточные игры, для победы в которых необходимо взять 7 и 3 (значимые числа в рассказе) взяток соответственно. При игре в носки победитель бьет проигравшему — в случае отсутствия у того средств — столько раз колодой по носу, сколько тот должен ему денег; ср.: «В носки играть, нос подставлять» (*Даль*. Т. 4. С. 1078).

«какой-нибудь ромашки забористой» (257). — Настояй из аптечной (ободранной) ромашки применялся в России, в том числе как успокаивающее средство при бессоннице и нервных расстройствах.

«игра велась на мелок» (258). — Играть на мелок — играть в карты на деньги в долг; иногда не платить при этом долга (мелок использовался игроками для записи картежных выигрышей).

«попрошайка-салопница» (259). — Салопница — нищая, ходящая в оборванном салопе.

«шильце, мыльце, белое белильце» (259). — В русском фольклоре символизируют ненужные вещи, хлам. Ср., например, в народной игре в куму: «Дай нам шильце да мыльце, белое белильце да зеркальце, грош да денежку, красную девушку, сорок амбаров сухих тараканов, сорок кадушек соленых лягушек»³⁸. В то же время это и символ некоторого достатка: «Было шильце, было мыльце и белое белильце, а хватъ-похватъ — нет ничего!» или «Молодым на шильце, на мыльце, на бело белильце нужно» (см.: *Даль*. Т. 4. С. 900; Т. 2. С. 603).

«истертые и изрубленные елизаветинские» (261). — Части разрубленных серебряных и золотых монет, в том числе рублевиков времени правления Елизаветы I, использовались в XVIII в., как правило, в качестве разменных денег.

«старые пятиалтыннички, проколотые для ношения в ушах, все совершенно истертые, но с законным количеством точек» (261). — Пятиалтынником (пятиалтынным) называли серебряную монету достоинством в 15 копеек, чеканка которой началась в 1760 г. Серебряные монеты, в основном в деревнях, использовались женщинами для ношения в ушах в качестве украшений;

---

³⁸ См.: *Слепцова И. С.* Народные игры и использование их в воспитании // *Русские народные традиции и современность*. М., 1995. С. 57.

на некоторых серебряных и медных монетах номинал обозначался как словом (для грамотных), так и соответствующим количеством точек или черточек (для неграмотных).

Содержание

Сюжетообразование в ранних произведениях Достоевского и повестях Гоголя.....	3
Литературный комментарий к «Двойнику».....	16
Проблема эмоциональной памяти жанра: ранний Достоевский и sentimentalный роман.....	28
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Псалтирь в творчестве Достоевского (рассказ «Скверный анекдот»).....	31
«Двойник», «Роман в девяти письмах», «Господин Прохарчин». К реальному комментарию.....	36

Н. А. Кашурников

***РАННИЙ ДОСТОЕВСКИЙ:
литературные связи***

Компьютерное макетирование: М. А. Барболина
Дизайн обложки: Е. Г. Данилова

Издательский Дом «Петрополис»
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16,
офис-центр 1, пом. 22
Тел.: (812) 336 50 34
www.petropolis-ph.ru
E-mail: info@petropolis-ph.ru

Подписано в печать 17.12.2012.
Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура PetersburgС.
Печ. л. 3. Тираж 1500 экз. Зак. № 33.

Отпечатано в типографии «Град Петров»
ООО ИД «Петрополис»
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16